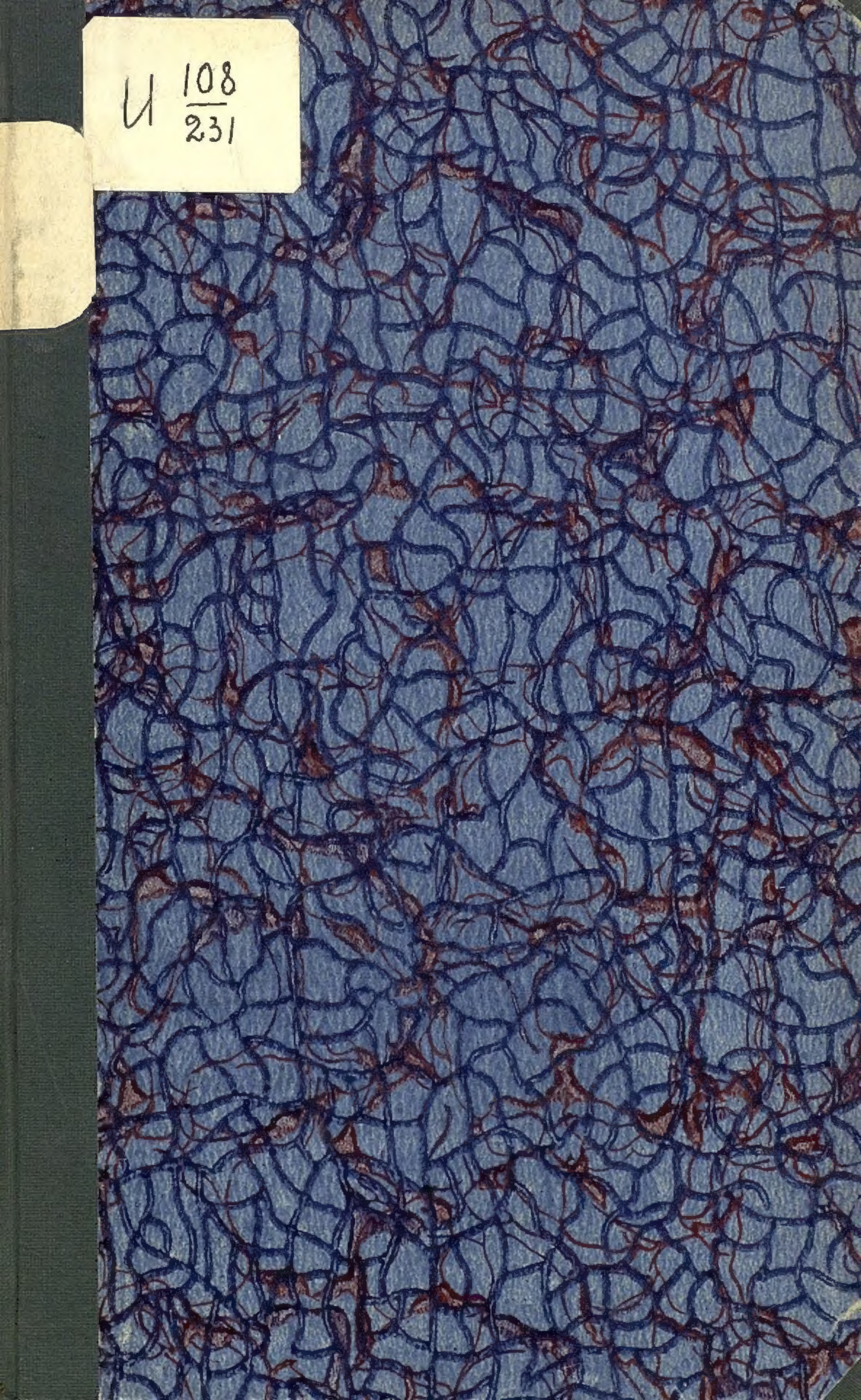

НЕ ПОДВИЖНЫЯ

ЗВѢЗДЫ И ПЛАНЕТЫ

НРАВСТВЕННАГО МІРА.

сочиненіе

П. МОРОЗОВА.

МОСКВА.

1846.

НЕ ПОДВИЖНЫЯ ЗВѢЗДЫ

и

ПЛАНЕТЫ НРАВСТВЕННАГО МІРА.

сочиненіе

П. МОРОЗОВА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Октября 18-го дня 1846 года.

Ценсоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

И. Снегиревъ.

НЕПОДВИЖНЫЯ ЗВѢЗДЫ

И

ПЛАНЕТЫ НРАВСТВЕННАГО МІРА.

Число и самое качество или достоинство свѣдѣній человѣческихъ подвержены непрерывному измѣненію ; слѣдовательно, составъ и объемъ наукъ никогда не бываютъ постоянными. При такомъ положеніи вещей естественно представляются слѣдующіе вопросы : 1) по какому направленію до сихъ поръ совершалось движеніе наукъ , прямолинейному, постоянно приближавшему ихъ къ совершенству, или круговому, или криволинейному особаго рода? 2) измѣненія, происходящія отъ новыхъ открытій въ объемѣ и свойствѣ наукъ , всегда ли увеличиваютъ цѣнность ихъ, или бываютъ случаи, когда число знаній человѣческихъ возрастаетъ на счетъ ихъ качества? 3) нѣтъ ли въ числѣ свѣдѣній человѣческихъ истинъ постоянныхъ , остающихся неизмѣнными среди общаго движенія познаній ? 4) нѣтъ ли признаковъ, по которымъ можно узнать, истинно или ложно данное положеніе науки, признаковъ

простыхъ понятныхъ каждому, непогрѣшительныхъ, подобныхъ химическимъ способамъ испытывать золото?

Я разсмотрю эти вопросы одинъ послѣ другаго.

Путешественникъ, ѣдущій по прямой линіи, никогда не долженъ встрѣчать предметовъ, которые онъ оставилъ позади себя. Наука, безпрерывно совершенствующаяся, никогда не должна обращаться къ положеніямъ, признаннымъ ложными. ·Исполняется ли это? Вовсе нѣтъ. Мнѣнія отверженныя, осмѣянныя ученымъ свѣтомъ, вновь принимаются за истину. Вліяніе луны на погоду недавно было признаваемо народнымъ суевѣріемъ; теперь Морфи издаетъ календарь, въ которомъ, основываясь на движеніяхъ земнаго спутника, предсказываетъ приблизительно измѣненія атмосферическія, а лѣсоводцы открываютъ, что дерева должно рубить въ полнолуніе: срубленныя въ другое время онѣ имѣютъ малую прочность. Пароходы, которые доставляютъ теперь промышленности огромную силу, были почитаемы нѣкогда мечтою несбыточною: первыя предложенія объ употребленіи кипящей воды для машинъ сочтены сумазбродствомъ. Великій Колумбъ возбуждалъ сожалѣніе въ ученыхъ своего времени, смотрѣвшихъ на знаменитаго Генуэзца, какъ на человѣка, лишеннаго разсудка. Животный магнетизмъ, поставленный въ началѣ нашего вѣка,

на ряду съ народными суевѣріями, находитъ теперь жаркихъ защитниковъ между врачами и естествоиспытателями. Каменные дожди, описанные древними лѣтописцами, не давно почитались вымысломъ, а теперь можно ли сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности? Съ распространеніемъ новыхъ понятій о жизни народовъ начинаютъ допускать возможность совпаденія страшныхъ явленій природы съ необыкновенными переворотами историческими: къ этому допущенію, оправдающему многихъ древнихъ историковъ, ведетъ мысль, что всѣ перемѣны въ человѣчествѣ и во вселенной должны составлять подъ рукою Всемогущаго стройный аккордъ, клониться къ одной цѣли. Обратно: къ мнѣніямъ, которыми нѣкогда гордились ученые, теперь не имѣютъ никакой вѣры. Сюда принадлежатъ мысли Французскихъ Энциклопедистовъ о нравственности, политикѣ и природѣ. Не входя въ подробный разборъ мнѣній философовъ и ученыхъ 18 вѣка, укажу только на эпитафію Франклина и Локково объясненіе грома, отголосокъ мнѣній тогда господствовавшихъ. Первая становится эпиграммою съ тѣхъ поръ, какъ перестаютъ вѣрить дѣйствію громовыхъ отводовъ (*). Сочинитель С.-Петербургскихъ вечеровъ одною фразою обращаетъ въ прахъ длин-

(*) На гробницѣ Франклина предложено было написать: *Онъ вырвалъ громъ у Неба.*

ное разсужденіе Локка. Вотъ слова Англійскаго философа: Во времена невѣжества думали, что громъ происходитъ отъ самаго Бога, но теперь всѣмъ извѣстно, что это звукъ, происходящій на высотѣ нѣсколькихъ футовъ. „Несчастный! говоритъ Местръ, не ужели громъ былъ бы ближе къ Богу, если бы происходилъ на высотѣ милліона миль?"

Изъ приведенныхъ здѣсь замѣчаній открывается, что науки вновь приходили къ оставленнымъ ими положеніямъ и удалялись отъ мнѣній, почитавшихся истинными. Слѣдовательно, въ ихъ ходѣ не было свойствъ прямолинейнаго движенія, науки не шли безпрерывно впередъ, неразширяли безпрерывно свѣтлаго пространства, образуемаго ими во мракѣ, окружающемъ человѣка. Отсюдаже проистекаетъ и рѣшеніе 2-го вопроса. Приращенія наукъ ежедневны, но эти приращенія нерѣдко бываютъ *отрицательными:* такъ называю я всѣ невѣрныя наблюденія, всѣ ложныя системы, всѣ преувеличенные разсказы. Книги могутъ толстѣть во вредъ себѣ. Нельзя отрицать, чтобы науки неимѣли поступательнаго движенія: оно существовало, но совершалось не по прямой линіи, и кажется, не переходило извѣстныхъ предѣловъ. Если выразить графически теченіе просвѣщенія въ древнемъ и новомъ мірѣ, то получится линія со многими выпуклыми вершинами. Нѣсколько разъ родъ человѣческій достигалъ, по видимому, значительной высоты знанія и снова терялъ свои

пріобрѣтенія. Колесо философическихъ системъ увлекающее за собою и всѣ другія знанія, нѣсколько разъ обернулось и не нашло покоя. Новѣйшія изысканія о Египтѣ и Индіи, преданія о Вавилонѣ, умственныя сокровища, завѣщанныя Греціею и Римомъ, даютъ этой мысли большую степень вѣроятности.

Перейдемъ теперь ко 3-му вопросу: нѣтъ ли въ числѣ свѣдѣній человѣческихъ истинъ постоянныхъ, остающихся неизмѣнными среди общаго движенія познаній.

Христіанинъ можетъ смѣло отвѣчать, что эти истины существуютъ. Ими озарился дольній міръ въ часы Божественныхъ откровеній, въ громахъ Синая, въ проповѣди Богочеловѣка, въ огненномъ явленіи Святаго Духа. Всѣ силы земныя ополчались противъ Библіи, но слова небесныя остались неизгладимыми. Мечь Кесарей и властителей Азійскихъ, краснорѣчіе древняго и новаго міра, ереси, бѣшеныя страсти — все сокрушилось у подножія креста Спасителя. Въ Библіи весь человѣкъ, все его величіе, вся его бѣдность. Ея свѣтомъ могутъ озариться всѣ глубины духовнаго міра. Предъ ея любовью нѣжнѣйшія выраженія чувствъ кажутся грубыми и холодными. Написанная въ разные вѣка и разными людьми, она представляетъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ. Евангеліе набросило на храмъ Библейскій великолѣпный куполъ;

увѣнчало его крестомъ, все побѣдившимъ, продолжая восходящее творческое движеніе. Іоаннъ живописалъ надъ нимъ небо таинственными образами будущаго. Свитокъ откровеній вполнѣ развернулся. Подобно своду небесному, распростирающемуся ночью надъ землею въ видѣ исполинской чаши, усѣянной милліонами солнцевъ, осѣнила міръ нашъ обращенная долу чаша Божественныхъ знаній, вся сіяющая истинами.

Наука человѣческая двигалась до сихъ поръ около положеній Библейскихъ, подобно планетѣ, обтекающей солнце. Чѣмъ больше удалялась она отъ этихъ положеній, тѣмъ болѣе умножались заблужденія. Наконецъ, когда въ мнѣніяхъ человѣческихъ не оставалось ничего религіознаго, ихъ область одѣвалась глубокимъ мракомъ: тогда человѣкъ, животное, духъ, матерія, добродѣтель, порокъ, мужчина, женщина, все казалось одинакимъ. Возмемъ для доказательства нѣсколько мнѣній, которыя господствовали въ философіи. Идеи сначала принимались за врожденныя; потомъ ихъ стали считать пріобрѣтеніями опыта. Вотъ двѣ противоположныя точки круга, описаннаго наукою около истины откровенной. По ученію Христіянскому, основныя идеи добра, отъ которыхъ зависитъ вся духовная сторона наша, неврожденны и не обрѣтены опытомъ; онѣ сообщены откровеніемъ, сдѣланнымъ первому человѣку, дополненнымъ книгами Ветхаго Завѣта и вполнѣ раскрытымъ Евангеліемъ. Умъ человѣческій

никогда не нашолъ бы истинъ Евангельскихъ. Человѣкъ, которому не будутъ сообщены эти истины или правила нравственности, изъ того же источника заимствованныя, останется дикаремъ и эгоистомъ: на немъ не будетъ слѣда образа Божія. Падшая природа человѣческая никогда не произведетъ сама по себѣ чувствъ самоотверженія.

Человѣкъ, говорили одни, совершенно свободенъ; другіе его считали машиной, дѣйствующей по неизмѣннымъ законамъ судьбы. Опять двѣ крайности, въ средоточіи которыхъ сіяетъ истина религіозная.

Человѣкъ свободенъ совершенствоваться или упадать духовно, желать зла или добра, любить и ненавидѣть, но намѣренія его исполняются тогда только, когда совпадаютъ съ волею провидѣнія. Если враги наши успѣваютъ лишить насъ земныхъ благъ, то это лишеніе вошло въ планъ Всемогущаго: они орудія, употребленныя Богомъ для нашего исправленія или наказанія. Подобно искусному хозяину, который умѣетъ употребить всякій окиснувшій и повредившійся запасъ, Богъ поставляетъ людей съ поврежденною нравственностію тамъ, гдѣ они творятъ его волю, думая преслѣдовать частныя цѣли. Воля человѣческая, говоря языкомъ математическимъ, есть перемѣнное независимое: произшествія — ея функція. Природа и исторія всегда соотвѣтственны со-

стоянію духа человѣческаго и направлены къ его усовершенствованію. Когда кончится долгая драма земнаго бытія нашего, тогда мы увидимъ, что въ ней господствовало чудное единство цѣли и было сдѣлано все для возрожденія человѣка безъ уничтоженія свободной воли. Секты философическія разсматривали человѣка всегда односторонно. Однѣ видѣли въ немъ только тѣло; другіе полагали необходимымъ жить одною духовною жизнію, да и не всею духовною, а только умственною. Ученіе Церкви въ Ветхомъ Завѣтѣ проповѣдовало необходимость современнаго, параллельнаго совершенствованія всѣхъ стихій человѣческой природы. Соломонъ говорилъ: въ злохудожную душу не внидетъ премудрость и небудетъ жить въ тѣлѣ, подвластномъ грѣху. Въ Новомъ Завѣтѣ учрежденіе постовъ, важность, приписанная цѣломудрію, названіе вещественной оболочки человѣка храмомъ Святаго Духа, обѣтъ воскресенія, ясно указали на участіе тѣла въ нашихъ дѣйствіяхъ. Въ сферѣ духовной Христіянство требуетъ соединять умъ съ сердцемъ и для силы перваго предписываетъ заботиться о чистотѣ послѣдняго. Съ религіозной точки зрѣнія человѣкъ представляется какимъ-то музыкальнымъ орудіемъ, которое издастъ небесные звуки только при настроеніи всѣхъ струнъ своихъ. Постигать истину, когда кровь взволнована чувственностію, а сердце кипитъ страстями, также удобно, какъ удобно дѣлать астрономическія наблюденія на

кораблѣ въ бурю и въ пожаръ. При подобныхъ обстоятельствахъ искали истины философы 18 вѣка. Чѣмъ болѣе размышляешь, тѣмъ болѣе удивляешься вліянію сердца на умъ: послѣдній всегда подчиненъ первому. Сколько доказательствъ находимъ мы въ пользу любимыхъ нами людей? Въ Химіи нѣкоторыя тѣла соединяются только тогда, когда бываютъ нагрѣты. Такъ и истина сливается съ умомъ тогда, когда его грѣютъ чистыя чувства; ему нужна извѣстная температура. Все великое и прекрасное постигнуто въ восторженномъ состояніи духа. Только при этомъ состояніи разверзаются глубины внутренняго міра и подобно огнедышущимъ горамъ, извергающимъ огонь и теплоту, заключенныя въ нѣдрахъ земли, выбрасываютъ къ намъ произведенія горней отчизны, аеролиты, чуждые земной атмосферѣ: таковы мысли Ньютона и Кеплера, очертанія Буонаротти, аккорды Бетговена. Видя созданія великихъ людей, мы спрашиваемъ съ удивленіемъ: откуда все это? откуда слова, образы и звуки, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ предметахъ насъ окружающихъ? Итакъ, понятіе о стихіяхъ природы человѣческой, проповѣдуемое Св. Писаніемъ, было средоточіемъ, около котораго обращались философическія мнѣнія о томъ же предметѣ. Это средоточіе заключается въ глубокомъ ученіи *о цѣлости*. Дивное, всеобъемлющее ученіе! Безъ цѣлости нѣтъ совершенства ни въ человѣкѣ, ни въ его умственныхъ

произведеніяхъ. То же можно сказать о природѣ и искусствѣ. Во вселенной нѣтъ дробей: вездѣ единицы и собранія единицъ — числа. Химія незнаетъ ни одного дробнаго соединенія. Въ изящныхъ произведеніяхъ величайшее разнообразіе не можетъ существовать безъ центра, хотя и отдаленнаго.

Крайностями въ объясненіи происшествій были два мнѣнія: одни все приписывали случаю; другіе вездѣ видѣли слѣпую судьбу. Въ средоточіи этихъ мнѣній сіяетъ ученіе о провидѣніи. Для Христіянина все дѣлается по волѣ Всемогущаго, не слѣпой, но мудрой и любящей, и дѣлается безъ уничтоженія свободы человѣческой. Такъ отецъ окружаетъ заблудшаго сына всѣмъ, что можетъ обратить его на путь истины; обратить не притворно и насильственно, но съ сердечною любовію добра. Идею о слѣпой, неумолимой судьбѣ поэзія древнихъ ярко изобразила въ Эдипѣ.

Идея о господствѣ случая также отрицалась во многихъ произведеніяхъ искусствъ. Въ противоположность этимъ произведеніямъ и драмѣ Софокла можно поставить книгу Іова, представляющую сліяніе души съ идеею о провидѣніи. Нужноли доказывать, что истина на сторонѣ многострадальнаго? „Господь далъ, Господь отъялъ да будетъ имя Господне благословенно, отнынѣ до вѣка.“ Вотъ слова, доказывающія глубокое знаніе жизни и происходящій отъ него миръ сердца. Какъ

великъ Іовъ предъ страдальцами языческими, предъ Стоиками самоубійцами, предъ самымъ Сократомъ!

Въ исторіи, ученіе о паденіи и возстановленіи человѣка, служитъ также ученіемъ средоточнымъ, около котораго обращалась наука, создавая системы Вико, Кузена и другихъ мыслителей. Онѣ то уклоняются отъ этого ученія, то подходятъ къ нему на близкое разстояніе. Такъ Балланшъ почти чистый христіянскій проповѣдникъ. Замѣчательно, что творецъ общественной полинезіи прославился ученіемъ, извѣстнымъ каждому воспитаннику приходскаго училища, хорошо знающему катихизисъ, но только отуманеннымъ; а народъ Еврейскій столь важный въ историческомъ значеніи, понятенъ ли безъ книгъ Священнаго Писанія? Онъ одинъ уцѣлѣлъ отъ древняго міра, какъ мумія. Сколько претерпѣлъ онъ, не потерявъ своей самобытности? Израиль можетъ разсказать намъ о изчезновеніи всѣхъ древнихъ народовъ и заключить своей разказъ словами поэта: „Лишь я, развалина одна, себѣ на горе уцѣлѣлъ." Безъ библейскаго эдема, Голгофы и судной трубы Архангела, исторія представляется смѣсью дѣйствій безъ плана и цѣли: такъ представляются запутанными движенія небесныхъ тѣлъ безъ ключа Ньютонова системы всемірнаго тяготѣнія!

Въ наукахъ политическихъ только основанія христіянскія могутъ служить вѣрнымъ руковод-

ствомъ. Онѣ предписываютъ подчиненнымъ повиновеніе властямъ, а властямъ говорятъ о самоотверженіи въ пользу подчиненныхъ. Онѣ велятъ бѣдному несвѣдущему терпѣливо сносить свою участь, а богатыхъ и умныхъ призываютъ къ благотворительности, къ раздѣлу сокровищь и общеполезному употребленію дарованій. Крайности въ политическихъ мнѣніяхъ произвели съ одной стороны извѣстную книгу Махіавеля, а съ другой общественный договоръ Руссо. Эти сочиненія можно считать противоположными точками круга, описаннаго науками политическими около религіознаго ученія о государственномъ устройствѣ. Сужденія о гражданскомъ бытіи народовъ не освободятся отъ грубыхъ заблужденій, до тѣхъ поръ, пока публицисты будутъ поставлять единственною цѣлью обществъ вещественныя наслажденія и удобства жизни вмѣсто духовнаго совершенствованія и думать, что изъ борьбы властей и сословій можетъ произойти равновѣсіе, благопріятное для гражданственности.

Избравъ человѣка главнымъ предметомъ своего высокаго ученія, Священное писаніе мимоходомъ касается знаній естественныхъ, но и здѣсь можно указать на истины, около которыхъ обращалась наука. Таковы: созданіе земли, всемірный потопъ, отнесеніе причины всѣхъ явленій къ живой и разумной силѣ, удаляющее смѣшеніе силъ первоначальныхъ и второстепенныхъ.

Перейдемъ теперь къ послѣднему вопросу: *нѣтъ ли признаковъ, по которымъ можно узнать: истинно или ложно данное предложеніе нравственной науки, признаковъ простыхъ, непогрѣшительныхъ, подобныхъ химическимъ способамъ распознавать золото.*

Эти признаки многочисленны, я укажу только на нѣкоторыя изъ нихъ.

Если мысль или свѣдѣніе радуетъ душу, усиливаетъ стремленіе къ добру, представляетъ возможность соединить людей въ болѣе или менѣе обширное цѣлое, въ этой мысли, или въ этомъ свѣдѣніи — истина.

Если можно достигнуть всѣхъ выводовъ, необходимыхъ для жизни частной и благосостоянія обществъ, оставаясь послѣдовательнымъ одной системѣ идей, то въ этой системѣ истина.

Если положеніе души таково, что мысли вполнѣ согласны съ чувствами сердца и дѣйствіями, то система идей, приводящая къ подобному положенію — истина.

Если блескъ и животворность идей возрастаютъ по мѣрѣ обширности ихъ приложенія, подобно объему величественнаго корабля, который распускаетъ свои вѣтрила по мѣрѣ выхода на широкое пространство, то въ этихъ идеяхъ—истина.

Если буря бѣдствій, разрушивъ надежды и мечты человѣка, оставляетъ неприкосновенными нѣсколько мыслей и чувствъ, которыя наполняютъ пустоту, произведенную гибельнымъ вихремъ, то въ этихъ мысляхъ и чувствахъ — истина.

Если, напротивъ, мысль или свѣдѣніе распространяетъ въ душѣ печаль, отнимаетъ желаніе трудиться и дѣлать добро, не даетъ возможности соединить людей въ одно цѣлое, то эта мысль или это свѣдѣніе — ложь.

Если оставаясь послѣдовательнымъ извѣстной системѣ мыслей, мы приходимъ къ выводамъ, на которыхъ практически нельзя основать ни добродѣтели частной, ни стройной жизни гражданскихъ обществъ, къ выводамъ, напоминающимъ иногда прекрасныя слова поэта:

L'esprit qui l'enfanta
Recule epouvanté (*).

То эта система мыслей — ложь.

Если какая-нибудь мысль, проникая въ душу, производитъ тамъ безпорядокъ, вооружаетъ разсудокъ противъ чувствъ, чувства противъ разсудка; эта мысль пришлецъ возмутитель — ложъ.

Если выводы, извлекаемые изъ какой нибудь мысли, теряютъ цѣну и красоту, по мѣрѣ того, какъ увеличивается сфера ея дѣйствія подобно ошибочнымъ размѣрамъ зодчества, мало замѣтнымъ въ хижинѣ и выказывающимся въ большемъ зданіи, то эта мысль ложъ.

(*) Стихи Расина, которыя должны были придти на память Гольбаху при сочиненіи многихъ его системъ природы.

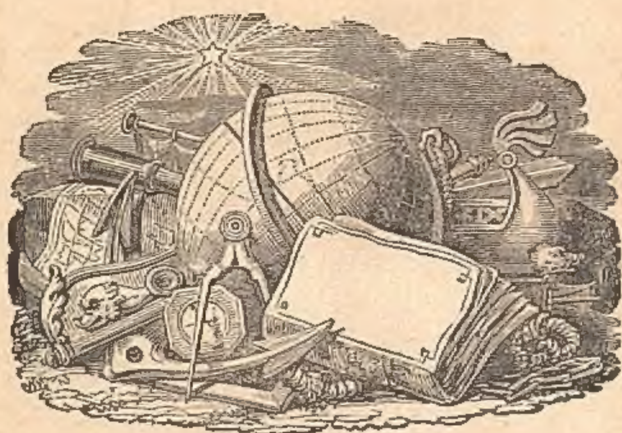
Если мысли, казавшіяся сильными и свѣтлыми, не представляютъ въ несчастіи ни опоры, ни руководства, то онѣ ложны: ихъ сила и свѣтъ не переживаютъ испытанія.

Вотъ нѣсколько признаковъ, по которымъ можно узнать софизмъ, даже тогда, когда, повидимому, доказательства на его сторонѣ. Всѣ пантеистическія системы обольстительны; но ихъ дѣйствія, продолженныя до сферъ нравственной и практической, убиваютъ всякую дѣятельность, всякое стремленіе къ добру; не даютъ никакихъ основаній для связей частныхъ и для соединенія людей въ общества. Истины христіянскія, напротивъ, кажутся иногда, при разслабленіи умственномъ, сомнительными, но ихъ слѣдствія нравственныя и практическія всегда ощутительны, съ ними можно жить, дѣйствовать, любить, управлять. Умъ подобенъ зрѣнію, которое нуждается въ осязаніи для отличенія признаковъ отъ существенности: осязайте сердцемъ и обстоятельствами практической жизни всякую новую истину; отвергните ее, если при такомъ испытаніи почувствуете холодъ и уменьшеніе нравственной дѣятельности. Не должно забывать главнаго: истина, добродѣтель и изящество на одной прямой линіи (да простятъ мнѣ это математическое выраженіе); все падающее внѣ сферы любви, самоотверженія и поэзіи, не исходитъ отъ истины.

Я бросилъ бѣглый взглядъ на разрѣшеніе вопросовъ, представляющихся при размышленіи о ходѣ просвѣщенія. Подробное изслѣдованіе этихъ вопросовъ не можетъ войти въ предѣлы моей статьи; оно требуетъ размѣровъ большаго сочиненія. Я хотѣлъ только передать другимъ, по мѣрѣ возможности, мое глубокое убѣжденіе въ томъ, что наука и искусство не могутъ процвѣтать безъ свѣта и теплоты, разливаемыхъ религіею.

Къ этому заключенію всегда приведетъ современное разсмотрѣніе истинъ вѣры и умственныхъ трудовъ человѣческихъ. Отнимите у просвѣщенія все заимствованное у религіи, все созданное въ монастыряхъ и внѣ монастырей, но подъ вліяніемъ религіознаго вдохновенія — библіотеки и галлереи опустѣютъ. Дифференціальрое исчисленіе создано творцемъ Ѳеодицеи, новый міръ открытъ человѣкомъ, непрестанно думавшимъ объ освобожденіи гроба Христова, чудные законы Кеплера найдены въ какомъ-то мистическомъ разсмотрѣніи чиселъ, а система тяготѣнія вышла изъ головы, всегда обнажавшейся при имени Бога.

П. Морозовъ.

2007096305